

Т.А. Разумовская

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОПТИКА: ПРОЕКЦИИ КУЛЬТУРЫ В ФОКУСЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рецензия на книгу: **Визуальная антропология: настройка оптики** / Под редакцией *Е. Ярской-Смирновой, П. Романова* (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. — 296 с. ISBN 978-5-903360-20-8

Еще буквально десять лет назад традиционное этнографическое исследование предполагало всего две концептуальные возможности обращения к визуальным данным (Davies 1999: 126). Первая возможность связана с ситуацией, когда визуальные материалы (такие, как фотографии, фильмы, видеозаписи) производятся самим исследователем либо другими под его руководством. Развитие технологий производства фото- и видеоизображений вдохновляло антропологов на использование технически произведенных визуальных материалов, замещающих нарисованные изображения, используемые для визуализации и иллюстрирования этнографических текстов. При этом произведенные продукты считались «чистыми слепками» с реальности, доверие к инструментам производства визуальных образов распространялось и на непререкаемую объективность полученных данных. Второй возможный подход предполагает использование визуального материала, произведенного другими для своих особых нужд и уже являющегося частью культурного контекста той или иной группы или сообщества.

Несмотря на то, что данная установка была подвергнута критике со стороны тех авторов, которые обосновывали необходимость использования визуальных технологий в рефлексивной манере, пересматривая власть доминантного положения исследователя, все же подобное довольно консерва-

тивное понимание долгое время доминировало в перспективе исследовательского поля этнографии на Западе (Banks 2001: 2).

В России же работы по визуальной антропологии получили распространение сравнительно недавно и по-прежнему остаются большой редкостью, хотя процесс институционализации визуальных исследований в социологии и антропологии уже идет: об этом свидетельствуют такие события, как учреждение международного фестиваля визуальной антропологии, создание Центра визуальной антропологии в МГУ им. М.В. Ломоносова, Центра визуальной антропологии и эгоистории при РГГУ, реализация исследовательских инициатив Института этнологии и антропологии РАН, а также регулярная публикация статей, дискуссий, сборников и монографий*.

Издание сборника научных статей «*Визуальная антропология: настройки оптики*» продолжает инициативу Центра социальной политики и гендерных исследований**. Название рецензируемой книги навеяно метафорой из «Лекций по методологии социологических исследований» Г.С. Батыгина: *методология* — это определенная *оптика*, т. е. взгляд на мир. Это название позволяет интерпретировать редакторскую позицию в отношении объекта визуальной антропологии как особую оптику видения культурных феноменов, позволяющих менять не только угол зрения, но и сами настройки исследовательского фокуса. Дизайн обложки сборника, представляющий собой коллаж из многослойного образа повседневной жизни на картине Татьяны Нестеренко и намеков на технику фиксации и обработки увиденного (пленка, объектив), наводит на мысль о многослойной природе визуального. В каком-то смысле метафора названия книги, обогащенная визуальным рядом оформления обложки, говорит о перспективах видения и интерпретации изображения: изменяя настройки исследовательской оптики, мы получаем возможность разноуровневого анализа визуальных данных, начиная с пересмотра поверхностных «очевидных» значений, углубляясь в контекстуальную рамку образа, реконструируя едва различимые смысловые акценты прошлого в настоящем.

Во вступительной статье редакторами книги сделан важный акцент на новых для социальной науки возможностях внедрения полученного знания в жизнь, включение его в общественный дискурс методами визуального про-

* См.: (Антропологический форум 2007; Визуальные аспекты культуры 2007), серию книг «Кабинет Визуальной Антропологии» (Аудиовизуальная антропология. Истории с продолжением 2008; Аудиовизуальная антропология: теория и практика 2008), выпуски Журнала социологии и социальной антропологии в 2007–2008 гг.

** См.: (Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность 2006; Визуальная антропология: режимы видимости при социализме 2009; Визуальная антропология: городские карты памяти 2009).

никновения, его прикладным/практическим потенциалом. Е. Ярская-Смирнова и П. Романов представляют возможности использования визуальных документов в качестве источника уникальной насыщенной информации о социальных проблемах и приводят конкретные примеры функционирования новых жанров в социальных науках на границе с искусством, призванных проблематизировать определенную часть повседневного опыта той или иной социальной группы, делая этот опыт видимым, являясь проводником уникального опыта в публичное пространство.

Теоретико-методологическую базу исследований призван обеспечить первый раздел сборника, который знакомит читателя с конкретными теориями визуальных исследований, представляя ряд интересных инициатив в области визуальной антропологии. В первую очередь, следует отметить метод видеографии (Хуберт Кноблаух) и методы антропологической и социологической киносъемки (Люк Пауэлс). В статье Кноблауха читателю предлагается авторская методология анализа видеоданных, основанная на синтезе зачастую противопоставляемых друг другу *стандартизированного* и *интерпретативного* типов анализа. Представленная методология видеоанализа — видеография — рассматривается автором как вид этнометодологического исследования, который может быть удачно дополнен семиотическим анализом отдельных визуальных особенностей одежды, предметов быта, пространственного расположения вещей. Межличностная и групповая интеракция попадает в фокус исследовательского интереса, однако видеография, в отличие от классической этнографии, с которой она имеет немало точек пересечения, интересуется в большей мере специфическими действиями и социальными ситуациями. Данный подход выгодно отличает методическая проработанность, он несет на себе отпечаток формализованного (стандартизированного) анализа, сохраняя такие критерии валидности, как последовательность действий актора, релевантность его действий смыслом, увиденным исследователем.

Л. Пауэлс продолжает уже затронутую тему конвенциональных возможностей видеосъемки как источника визуально насыщенной информации, однако в своих размышлениях идет дальше Кноблауха, сосредоточивая внимание на визуальных методах обратной связи и тех ограничениях, с которыми сталкивается ученый, прибегающий к методологии визуального анализа. Стремление получить «обратную связь» в визуальном этнографическом исследовании является во многом результатом дискуссии об объективности метода антропологической киносъемки. В какой-то момент исследователям стало очевидно, что этнографический фильм не является тем безупречным слепком с реальности, каким он представлялся этнологам-первопроходцам в момент своего появления. Каждый такой фильм есть результат специфического конструирования образов и смыслов посредством сделанного исследова-

дователем выбора: как и что снимать, что важно и что нет. Пауэлс описывает различные пути реализации идеи обратной связи, среди которых интервью с использованием образов, полученных при помощи камеры, а также так называемое «туземное производство образов», когда респонденты получают возможность принять участие в создании образов, тех или иных визуальных артефактов, открывая тем самым собственное видение интересующих исследователя феноменов.

Не менее важный аспект использования видео- и фотосъемки в социальном исследовании представлен еще в одной статье Пауэлса «Этика съемки людей и использования снимков: проблема визуального исследования». Утверждение о необходимости соблюдения таких принципов научной этики, как анонимность и защита приватного пространства, возможности применения скрытой съемки, граница между приемлемыми и неприемлемыми манипуляциями, является чрезвычайно актуальным знанием и должно быть задействовано в процессе преподавания методологии визуального исследования. В этом контексте важным представляется утверждение автора о необходимости разрешения некоммерческого использования визуальных материалов, размещенных в сети наравне с текстами книг и статей для научных и преподавательских целей.

Обращаясь к теме взаимоотношений науки и визуального дискурса, необходимо отметить ценность анализа социологических фотовыставок, представленного в статье Лилии Воронковой о способах визуальной презентации научного знания в публичном пространстве. Новый для социологии жанр фотовыставки — это представление результатов исследований посредством визуальных инсталляций, сопровождаемых комментариями, а также такими дополнительными «атмосферными» эффектами, как свет и музыка. Этот подход позволяет науке не только в определенной мере освободить свое знание, обеспечив его выход за рамки узкого круга «посвященных», но и реализовать важную критическую функцию вскрытия социальных противоречий за счет превращения невидимого в видимое, вынося его в публичное пространство.

Следующий условно выделенный нами аспект теоретико-методологического обоснования направления визуальной антропологии касается теории фотографии и возможностей ее применения в социальных исследованиях. Особенности фотографического дискурса рассматриваются в статье Виктора Круткина: в попытке объяснения визуальных особенностей современной культуры автор обращается к мифологической теории цикличного расколдовывания-заколдовывания мира, обличая современное идолопоклонство, поклонение образу, превращение мира текстоцентричного в мир, центральным элементом которого становится визуальный аспект реальности. Образы, циркулирующие в визуальном пространстве современного об-

щества, в большинстве своем представляют идеологически маркированные сообщения, сконструированные и в этом смысле отражающие интересы тех или иных групп общества, а значит — воспроизводящие установившиеся отношения доминирования.

Одна из ярких статей первого раздела принадлежит Джуди Вайзер, психологу и арт-терапевту — директору центра фототерапии из Канады. Она обращает внимание читателя на «эмоциональную заряженность» фотографий, их значение и символическую ценность для человека. Через призму фотографических образов раскрываются внутренние противоречия и проблемы, фотография выступает мощным катализатором социальной интеракции, обнаруживая пласты не артикулированной на уровне сознания информации: воспоминаний, детских переживаний, обид. Работа с фотографическими изображениями позволяет терапевту обратиться к воспоминаниям клиента, травматическим переживаниям, скрытым от повседневной рефлексии, и изменить ее негативные последствия. В процессе создания новых ландшафтов памяти человек освобождается от преследовавших его «призраков» прошлого.

Методика работы с личными фотографиями и особенности конструирования внутренней идентичности человека посредством визуальных образов помогают читателю понять схожие механизмы коллективной идентификации, описанные в публикациях второго и третьего «практических» разделов сборника. В статье Ольги Бойцовой показана ситуация, когда человек, недавно получивший новый статус (в том числе, возрастной, семейный и т. д.), стремится утвердить свою (со)причастность референтной группе, стараясь запечатлеть себя при помощи фото- или видеокамеры в момент «перехода», а также с атрибутами, подтверждающими его новую групповую принадлежность.

Другим интересным примером конструирования аспектов идентичности в поле визуального представляются стратегии возвращения дискурса советского и его включения в коллективную память россиян посредством реконструкции образов этого периода в современном российском кино. По мнению Марии Вейц, подобная визуальная реконструкция образов предполагает реконструкцию и самой памяти о советском. В ее статье показано, что такой проект неизбежно предполагает определенную идеологическую направленность, так наша память о советском распадается на два очень непохожих дискурса. Один из них представляется как ностальгия по прошлому, романтизированный образ советской действительности: именно этот образ воспроизводится и тиражируется в большинстве современных российских фильмов, посвященных этому периоду. Другой дискурс имеет скорее негативный оттенок и ассоциируется с застоем, очередями и советской бюрократической системой, определяется как «совок», этот дискурс вытесняется из

поля визуального, оставаясь за рамками того, что репрезентируется и соответственно «вспоминается» сегодня как советское.

Аналізу механизмов идеологического конструирования символического неравенства посвящена статья Ноа Хазан о визуальном конструировании еврейских «рас» в израильской фотографии. Возможность намеренного воздействия на публичный дискурс, полагает автор, реализуется в стратегиях символической дискредитации отдельных групп внутри нации. Можно сказать, что существующие в символическом пространстве Израиля расовые коды в определенном смысле выполняют образовательную функцию: воспринимая их, человек научается особому способу видения, сконструированному в рамках культурной политики неорасизма, и в этом заключается основная сложность преодоления сложившейся ситуации.

Чтение этой книги показывает, что существующий разрыв между накопленным научным знанием в зарубежной исследовательской традиции и зарождающейся визуальной перспективой в работах отечественных ученых может быть преодолен в рамках развивающегося направления визуальной антропологии. Проблематизируемые аспекты визуального в рецензируемом сборнике представлены чрезвычайно широко. Амплитуда исследовательского интереса авторов статей простирается от попыток переосмыслить прошлое через призму «визуальных следов», свидетельств, оставленных в истории такими феноменами, как идеология, социальный порядок, специфическое конструирование социальных проблем, вплоть до возможностей работать с личными и коллективными травмами посредством визуального. Однако следует также отметить и некоторый дисбаланс структуры книги — практическая часть не в полной мере отвечает широте заданной перспективы теоретико-методологического раздела. Представленные исследовательские кейсы следуют единому курсу интерпретативной визуальной техники, когда анализу подвергаются визуальные аспекты культуры и медиа, оставляя в стороне вопросы «обратной связи», возможности «туземного производства образов».

Литература

Антропологический форум. 2007. № 7.

Аудиовизуальная антропология. Истории с продолжением. М.: Институт Наследия, 2008. 320 с.

Аудиовизуальная антропология: теория и практика. Международная научно-практическая конференция: Сб. статей. М.: Изд. МГУ ТЕИС, 2008. 358 с.

Визуальная антропология: городские карты памяти / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. 312 с.

Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. научн. ст. / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов: Научная книга, 2006. 528 с.

Разумовская Т.А. Методологическая оптика: проекции культуры...

Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. 448 с.

Визуальные аспекты культуры / Под ред. В.Л. Круткина, Т.А. Власовой. Ижевск, 2007. 257 с.

Banks M. Visual Methods in Social Research. London: Sage, 2001.

Davies Ch. A. Reflexive Ethnography: A Guide to Researching Selves and Others. London: Routledge, 1999.